
А. А. КОСОЛОВА

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА В КОНТЕКСТЕ НЕЙРОФИЛОСОФИИ ПО РАБОТАМ П. ЧЕРЧЛЕНД*

Данная работа посвящена анализу нейрофилософского проекта в области морали и обоснованию того, почему такой подход, на мой взгляд, является безуспешным. Объектом моего исследования стала вся нравственная сфера общества, включающая поступки человека, его моральный выбор, взаимодействия внутри социальных групп. Предмет исследования – преимущественно гипотеза Патриции Черчленд, объясняющая принцип действия нравственной интуиции. Целью является показать слабые места гипотезы Черчленд в проблеме нравственного выбора.

Актуальность исследования моральной области с каждым годом возрастает, так как человечество, несмотря на стремительное освоение техники, космоса, науки, так до сих пор и не выработало эффективной стратегии урегулирования конфликтов, не уменьшило рисков гибели всего человечества из-за угрозы ядерной войны. Остается и даже множится количество неразрешенных гуманитарных катастроф, поэтому все, что может пролить свет на решение моральных дилемм, является важнейшим объектом исследования для современных ученых и особенно философов. Новизна данного исследования в том, что в русскоязычном пространстве практически нет исследований по теории Патриции Черчленд, несмотря на актуальность такого междисциплинарного направления, как нейрофилософия.

Ключевые слова: нейрофилософия, П. Черчленд, мораль, совесть, редукция, элиминативный материализм, эволюция, социум.

This paper is devoted to analyzing the neurophilosophical project in the moral sphere and justifying why this approach, in my opinion, is unsuccessful.

* **Для цитирования:** Косолова А. А. Проблема нравственного выбора в контексте нейрофилософии по работам П. Черчленд // Философия и общество. 2024. № 3. С. 103–117. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.08.

For citation: Kosolova A. A. The Problem of Moral Choice in the Context of Neurophilosophy According to the Works by Patricia Churchland // *Filosofiya i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2024. No. 3. Pp. 103–117. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.08 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2024 103–117

DOI: 10.30884/jfio/2024.03.08

The object of my research is the whole moral sphere of society, including human actions, moral choices, and interactions within social groups. The subject of the research is mainly Patricia Churchland's hypothesis explaining the principle of moral intuition. The purpose is to show the weaknesses of Churchland's hypothesis on the problem of moral choice.

The relevance of the study of the moral aspect is increasing since despite the rapid development of technology, space, science, humanity has not yet developed an effective strategy for conflict resolution, has not reduced the risks of death for the whole humanity due to the threat of nuclear war. The number of unresolved humanitarian catastrophes remains the same and even increases, so everything that can shed light on the solution of moral dilemmas is the most important object of research for modern scientists, and especially philosophers. The novelty of this study is that there are practically no studies on Patricia Churchland's theory in the Russian-speaking space despite the relevance of such an interdisciplinary field as neurophilosophy.

Keywords: *neurophilosophy, Patricia Churchland, morality, conscience, reduction, eliminative materialism, evolution, society.*

Проблема нравственного выбора является той областью, исследования которой берут свое начало с зарождения философии и продолжают по настоящее время. За всю историю исследования морали было выделено множество различных подходов, каждый из которых внес свой вклад в развитие проблематики, однако нельзя сказать, что философское сообщество пришло к какому-либо соглашению по данному вопросу. Это говорит о том, что мораль и этику не принято относить к тому виду знания, которое можно объяснить с научной точки зрения, ведь человеческие поступки невозможно прогнозировать, как если бы мы работали с физическими объектами. Однако в современной философии появляются междисциплинарные направления, которые пытаются научно обосновать моральное поведение. Одной из таких дисциплин является нейрофилософия, которая совершает попытку ответить на философские вопросы с точки зрения работы нашего мозга, основываясь на открытиях в нейробиологии.

Нейрофилософия – это новое направление, которое в данный момент набирает популярность из-за своей практической применимости и особого внимания к открытиям, связанным с мозгом. Сам термин появился благодаря Черчленд, которая написала одноименный труд в 1986 г. Именно поэтому ее фигура является знаковой для целого направления и особенно актуальной для изучения.

Во-первых, открытие нового направления в философии является делом инновационным (открытие приписывают ей благодаря ее книге «Нейрофилософия», однако предпосылки для объяснения высших психических функций через нейронные процессы появились, конечно, и до нее).

Во-вторых, области практического применения философии были всегда ограничены: обычно они были связаны так или иначе с этикой (например, биоэтика), а также с философским диалогом и консультированием. Существует философия науки, где, к примеру, физические теории получают свое философское осмысление, но открытия делаются все равно учеными-физиками. В случае с Черчленд ситуация обстоит по-другому, ведь она работает в группе с учеными и занимается открытиями совместно с ними. Следует обратиться к ее биографии, чтобы понять, как это стало возможно.

Мы знаем из информации на ее одноименном сайте, что Черчленд окончила бакалавриат по философии в Оксфорде, где она впервые задумалась о том, что «кабинетная философия» является тупиковым занятием, ведь подобный концептуальный анализ не связан напрямую с фактами, а является, скорее, спекулятивным и абстрактным. Это убеждение привело ее к заведующему кафедры нейроанатомии в медицинском колледже Манитобы, где ее приняли на стажировку. Далее она работала в лаборатории спинного мозга доктора Ларри Джордана. Исходя из этих фактов, мы понимаем, что Черчленд овладела медицинской практикой наряду с изучением философии, что позволяет ей в настоящее время работать совместно с нейробиологами. Более того, она является лауреатом премии Макарура, что говорит о ее востребованности и популярности в своей сфере.

Основным интересом Черчленд является интерпретация нейронной деятельности и объяснение ее связи с высшими психическими функциями (например, сознание и самоконтроль), однако если причисление сознания к высшим психическим функциям видеть привычно, то рассматривать моральные ценности через эту призму казалось невероятным еще несколько лет назад. Тем интереснее было анализировать работу Черчленд в этой области, но стоит отметить заранее, что, несмотря на ее образование в Оксфорде, где наверняка были рассмотрены все основные этические концепции, пренебрежение к концептуальному анализу самой Черчленд будет проследиваться в ее работах на тему оснований моральной интуиции (например, анализ Канта и сторонников универсальных правил мо-

рали в философии отражен весьма поверхностно в книге “Conscience – The Origins of Moral Intuition”).

Ее взгляды описаны в следующих работах: “Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain”, “Touching a Nerve – The Self as Brain”, “Conscience – The Origins of Moral Intuition”, “Braintrust: What Neuroscience Tells Us About Morality”, “The Computational Brain”, “Brain-Wise: Studies in Neurophilosophy”. В данной статье упор делается на книгу “Conscience – The Origins of Moral Intuition” [Churchland 2019], а также статьях “Eliminative Materialism and the Propositional Attitudes” [*Idem* 1981], “Folk Psychology and the Explanation of Human Behavior” [*Idem* 1989].

Обратимся к основам теории Черчленд о нравственной интуиции: это вопросы совести, ее влияния на возникновение эволюционных процессов, формирование мозга под влиянием этих процессов, а также воздействие социальной адаптации на мозговую деятельность – все это в совокупности позволяет нам ответить на вопрос, что лежит в основе нашего нравственного поведения. Оговаривается, что наука не может пролить свет на категории добра и зла, она лишь может дать нам ответы на происхождение совести и к чему она нас побуждает. Иными словами, зная, что такое совесть с нейробиологической точки зрения, мы все равно не сможем знать, как поступить морально, но будем знать, что влияет на наши нравственные поступки.

Понятно, что данная оговорка имеет существенное значение для исследования нравственности, потому что, когда мы подходим к изучению какого-то явления или процесса, нас интересует совокупность вопросов. Я могу выделить некоторые из них, но даже они не будут исчерпывать всей полноты вопросов. Например, что собой представляет данное явление? Это процесс, сущность, субстанция, некоторая абстрактная единица? Как ведет себя данное явление, то есть каким образом оно себя проявляет, как функционирует? К каким следствиям ведет проявление данного явления и можем ли мы, зная эти следствия, воздействовать на это явление и каким образом?

Для того чтобы было понятно, о чем именно будет говорить Черчленд, имея в виду совесть, она предлагает определение, которое звучит так: «Совесть – это суждение индивида о том, что хорошо, а что плохо с нравственной точки зрения, как правило (но не всегда) отражающее нормы группы, к которой индивид себя причисляет» [Черчленд 2021: 9]. Как в случае с сознанием, определе-

ние которого чаще всего имеет функциональную основу, определение совести звучит похожим образом. Мы не можем точно сказать, что именно лежит в основе сущности совести или сознания, но мы можем подойти к этому вопросу через те функции или следствия, которые мы можем наблюдать. Исходя из данного определения, можно было бы сделать вывод, что раз совесть – это суждение, то речь идет о когнитивной операции, но Черчленд оговаривает, что вердикт совести состоит из двух взаимозависящих составляющих – чувства и оценочного суждения, которое трансформирует порыв в действие. Внимательнее посмотрим на этот момент. Выделяя подобные составляющие, мы можем согласиться, что вердикт совести возможно рассматривать в контексте нейрофилософии. Чувство можно объяснить с точки зрения нейробиологии и эволюции, что и делает Черчленд, оценочное суждение – это социальное воспитание плюс когнитивные навыки. Исходя из этого определения, мы можем предположить, что нейрофилософия сумеет дать ответы почти на все вопросы касательно нравственного чувства, за исключением некоторых следствий социального взаимодействия. Что подразумевается под социальным взаимодействием? Можно предположить, что раз элиминативный материализм подразумевает, что наши убеждения и желания можно будет привести к теории когнитивных функций, основанных на процессах мозга, то эту часть социального взаимодействия можно будет объяснить, но что-то остается без объяснения, например то, почему человек поступает безнравственно по отношению к другим. Дело в том, что картина человеческого поведения и в целом теория элиминативного материализма (представителями которого являются Патриция Черчленд и ее муж Пол Черчленд) и нейрофилософского подхода выглядит практически безупречно до определенного момента. Мы предполагаем, что у совести есть эволюционные предпосылки (рассмотрим детально чуть позже), этот механизм нужен для успешного социального функционирования, поэтому он социально поощряется, что и формирует у нас привычку поступать определенным образом (предполагается, что нравственно). Все механизмы подталкивают нас к моральному поведению, но существуют исключения, где человек все равно поступает безнравственно. При этом сложно назвать это сбоем в системе, потому что такие случаи не единичны. Есть процент людей, которые подвержены психопатологиям и которые действительно поступают так по этой причине, однако это не относится ко всем людям. Черчленд говорит, однако, что несмотря

на то, что нейробиология пока не может дать таких ответов (но, скорее всего, сможет), то и психология на данный момент не в силах ответить на эти вопросы. Посмотрим, сможет ли на это ответить философия. Однако важным следствием, которое можно вынести уже из определения, является предварительное выделение области исключительно философских вопросов, связанных с моральным чувством. При этом было бы глупо отрицать, что мозг все-таки влияет на наше поведение, необходимо, таким образом, выяснить, помогает ли нам это знание достаточным образом определить, что такое совесть.

Исходя из очерченных ранее мною вопросов о многоаспектности любого явления, можно подытожить, что нейробиология и теория Черчленд: а) попытается дать ответ на то, что такое совесть по своей сути; б) ответит на вопрос, как совесть функционирует, но не сможет дать полного ответа, почему она может функционировать по-иному; в) не коснется вопросов следствия данных явлений, то есть не будет разбирать вопросов, как в обществе регулируются проблемы, связанные с последствиями безнравственного поведения, но выделит данную область; г) совершенно не коснется вопросов, как мы можем влиять на это явление. Очертить область применения данной теории кажется мне крайне важным, потому что именно в эти места будет бить философская критика.

Любопытно здесь поразмыслить, какие места из этой области были выделены философской мыслью ранее.

Например, вопрос о том, что такое совесть, в разные века трактовался по-разному. Не буду останавливаться подробно на каждом аспекте, но, как правило, нравственное чувство исходило из божественной благодати или из категорий разума. Далее же в основном она определялась практическими вопросами, то есть как раз пунктами в) и г). Одна из главных этических категорий – это поступок, то есть определенное действие, совершаемое вследствие нравственного выбора. Поступок определяет наше отношение как к самому себе, к обществу, так и к миру в целом. Определение, данное Черчленд, совершенно не затрагивает данную область, а именно отношение к миру. Учитывая ту роль, которую она отдает социальным процессам, она этим и ограничивает область своего исследования. Можно предположить, что в ее теории происходит элиминация не только когнитивных процессов к нейробиологическим (пусть и в будущем), но и область отношения к миру ограничивается только социальными отношениями, однако, на мой взгляд, подоб-

ная область гораздо шире человеческих отношений и требует определенной трансценденции.

Так как основу нравственной интуиции Черчленд видит в социальном взаимодействии, первым шагом в исследовательском проекте будет обоснование потребности в социальном взаимодействии с точки зрения эволюции. Если мозг наших предков был приспособлен к социальному воздействию, значит, это было необходимо с точки зрения выживания. Для этого, пишет Черчленд, эволюции пришлось проделать свой любимый маневр: переориентировать уже имеющуюся функцию на что-то новое, что давало бы данное преимущество [Черчленд 2021]. Этот процесс выглядит как изменение ряда генов для изменения функции, в случае с млекопитающими чувство боли и чувство удовольствия дополнились так, чтобы поощрять аффилиативное поведение, то есть та функция, которая была нацелена исключительно на собственное выживание, переориентировалась на любовь к ближним. Для чего это было необходимо? Первое и самое главное – это забота о потомстве, данная функция появилась, когда в эволюционном процессе млекопитающие начали рождаться беспомощными. Вследствие этого функции самосохранения расширились с «я» до «мои дети». Однако данная беспомощность тоже должна быть как-то объяснена. Объяснение этому кроется в гомойотермии – способности сохранять тепло. Теплокровные заняли пустующую ночную нишу для охоты, так как холоднокровные могли делать это только при свете солнца, но за подобную привилегию необходимо «платить». Для того чтобы сохранять тепло, теплокровным необходимо постоянно снабжать организм энергией, а значит, и есть в десять раз больше. Из этого же следует, что им необходимо быть намного умнее, чтобы добывать себе больше пищи, то есть более умело оценивать окружающую среду. У млекопитающих с момента рождения мозг увеличивается примерно в пять раз, так как нейронам нужно пространство для того, чтобы разрастаться в процессе обучения, проводя все новые связи. Если бы млекопитающие рождались уже с «готовым» мозгом, то он бы ограничивался генетически заложенными программами, и у такого млекопитающего не было бы способности к приспособлению к условиям внешней среды, а для подобной функции нужна очень гибкая система. Поэтому млекопитающие должны были рождаться с минимально запрограммированным мозгом, но со способностью к обучению. Таким образом, им необходимо было рождать-

ся беспомощными и, как следствие, с «ближними», которые могли бы о них позаботиться.

Чем умнее млекопитающее, тем больше времени необходимо, чтобы его выносить, для этого матери необходимы «энергетические субсидии» в виде партнера, то есть в структуру заботы о близких входит еще одна фигура – отца. Самым умным млекопитающим является человек, его разница в мозге с шимпанзе примерно в три раза, причина этому может быть в новом энергоресурсе – добыче огня, потому что такое мясо намного калорийнее по теории антрополога Ричарда Рэнгема [Wrangham 2000].

Мы подошли непосредственно к происхождению нравственности. Согласно П. Черчленд, нравственность возникла из альтруизма, который может проявить мать по отношению к своему потомству, отдавая детям пищу, хотя сама даже больше нуждается в ней. Однако Черчленд подчеркивает, что аффилиация объясняется эволюционно в случае с родителями и потомством, однако привязанность к друзьям относится к ряду трудных нейробиологических проблем, которые, тем не менее, можно попытаться объяснить, если попробовать найти в мозге структурную систему, способную влиять на все наши взаимодействия с людьми, наподобие устройства ДНК.

На эту мысль ее натолкнуло исследование полевок Ларри Янга, согласно которому полевки демонстрировали смену полигамного поведения на моногамное после введения окситоцина. Черчленд задается вопросом: возможно, гормон окситоцин отвечает за привязанность, которая порождает заботу, а та, в свою очередь, порождает совесть? И если бы мы смогли увеличить плотность рецепторов с помощью генетической модификации, то эмпатия смогла бы распространиться на все человечество в целом. То есть эволюция поощряла подобное развитие, но процветание – это следствие, а процветала совесть, потому что нравственные нормы нужны были нам для решения социальных проблем – так выглядит ход рассуждения Черчленд.

Следующим этапом нравственного выбора после эволюционных механизмов является социальное научение. Мы довольны, когда общество нас одобряет, и страдаем, когда встречаемся с общественным порицанием. С развитием данное поведение становится сложнее, и мы можем проявлять большую гибкость в поведении, однако сформированное чувство тревоги при совершении «плохих» поступков и есть тот самый голос совести, который нас мучает, когда мы совершаем безнравственный поступок. «В этом смысле со-

весть – это структура в мозге, посредством которого наши инстинкты заботы о себе и других в ходе развития, подражания и научения принимают конкретные поведенческие формы» [Черчленд 2021: 99].

Для освоения социальных норм у нас имеется необходимый нейронный субстрат, в основе которого первобытные механизмы с их древней структурой и древним способом функционирования, которые располагаются в базальных ядрах. Все эти механизмы расширяют способности взаимодействия с окружающим миром, повышают способность к абстрагированию, в том числе к моделированию устройства мира, а также к долгосрочному планированию не только в одиночку, но и сообща, что наблюдается у многих животных. Всему этому поведению способствует определенная нейронная активность, которая представляет собой гораздо более сложный процесс, чем просто усвоение рефлексов Павлова. Не останавливаясь подробно на нейробиологических деталях, достаточно сказать, что в данном механизме задействована область в ядре среднего мозга (вентральной области покрышки – ВОП). Существует связь между усвоенной положительной оценкой и паттерном высвобождения дофамина в ВОП. Социальное одобрение вызывает у нас прилив дофамина, неодобрение – серотонина. Это и есть механизм формирования совести при первом приближении, как говорит Черчленд. Чтобы дальнейшее социальное поведение было успешным, у нас должна сформироваться определенная привычка, эта категория называется генератором когнитивных паттернов [Graybiel 1997]. Данный механизм применяется нами при определенных социальных условиях: например, если нам надо уладить конфликт, у нас включится генератор когнитивных паттернов, запуская наше умение ладить со вздорным коллегой. Данное открытие проливает свет на многие проблемы, в том числе почему нам так важны ритуалы, которые снижают тревожность, и в том числе механизм вредных привычек.

Однако ситуации могут меняться, и не всегда старые когнитивные алгоритмы применимы в новых обстоятельствах. Ориентироваться при проблемах нравственного выбора помогает нам чувство эмпатии. «Это комплекс функций, включающий способность к когнитивной оценке чужого положения и способность испытывать чужие эмоции, пусть и в минимальной степени» [Черчленд 2021: 142].

Эмпатия может быть разного уровня не только у разных людей, но может и меняться у одного человека в зависимости от обстоя-

тельств. Кроме чувства эмпатии, мы опираемся на социальные нормы, которые касаются и вопросов справедливости. Нормы могут меняться и без сознательного рассуждения, например при смене модных тенденций в одежде. В основе усвоения принятия определенного поведения, как мы выяснили, лежат механизмы обучения с подкреплением, но за основы принятия социальных норм также отвечают определенные нейробиологические процессы.

Таким образом, наш мозг эволюционно предрасположен к эмпатии и альтруизму, дальнейшее наше нравственное поведение обуславливается нашей способностью к подражанию и обучению, которая формирует в нашем мозге систему когнитивных паттернов. В дальнейшем в процессе принятия нравственных решений будут включаться наши чувства (например, эмпатия) и приобретенное нами социальное поведение. Насколько хорошо будут усваиваться нами социальные нормы, зависит в том числе от наследственных факторов. За все эти операции в мозге отвечает обширная система областей и процессов, в том числе действие гормонов дофамина и серотонина.

Открытия нейробиологии, которые предоставила нам П. Черчленд, действительно объясняют многие мозговые процессы, то, как мы приобщаемся к социальным нормам, какие процессы происходят в мозге, когда мы поступаем морально, и почему эволюционно мы запрограммированы на заботу о близких. Но эти данные не дают исчерпывающих ответов и, на наш взгляд, никогда не будут способны дать. Обратимся к тем проблемам, которые остаются нерешенными.

Приводя определение совести, данное Черчленд, мы очертили круг вопросов любого явления – что само по себе представляет явление, как оно функционирует и какие у него следствия.

Начнем с сути явления. Дает ли ответ нейробиология, что такое совесть? Нам объяснили с точки зрения эволюции, откуда возникла эмпатия и альтруизм, но не как возникла совесть. Ведь если рассматривать человека как биологический вид, то мы должны были бы быть также запрограммированы на заботу только о потомстве, но человеческая нравственность способна распространяться не только на ближайший круг. Предположим, что люди бывают разные с разной степенью нравственности. Есть люди, которые заботятся только о собственных интересах, есть люди, которые заботятся о себе и собственной семье. Если бы сообщество людей состояло исключительно из подобных индивидов, то мы могли бы принять

данную теорию. В итоге мы остаемся лишь с ответами на вопрос, почему мы заботимся о своих детях.

Предположим, что мы можем заботиться еще и о друзьях, но даже тут Черчленд указывает, что нейробиология не может дать ответа, почему у нас возникает привязанность к друзьям. Допустим, что сообщество людей принадлежит к одному виду, нам свойственно эволюционно защищать свой вид, даже у нечеловечных животных мы можем наблюдать поведение, когда они способны защищать свое стадо от внешней агрессии. Если бы мы действовали согласно данному объяснению, то человечество жило бы сообща, чего мы не наблюдаем в современном мире. Более того, нейробиология не может дать ответа, откуда возникает внутривидовая агрессия. То есть с эволюционной точки зрения человечество ведет себя неразумно и необъяснимо. Предположим, что внутри человеческого вида у нас возникают собственные «виды», то есть разделение на «своих» и «чужих». Мы можем наблюдать такое разделение в разных процессах – выбор друзей, очевидно, построен на том, что этот человек «свой», или более глобально – разделение на нации и отдельные государства. Если в случае нации мы можем объяснить подобное поведение территориальными признаками, то в случае с выбором друзей такое не работает. В друзья, как правило, мы выбираем тех, кто разделяет наши интересы, ценности или в общем мировоззрение. Однако ценности – это не биологический фактор, и процессы в мозге не могут нам объяснить формирование ценностей. Иными словами, для того чтобы защитить подобную натуралистическую установку, мы должны прибегнуть к небиологическому фактору, что делает невозможным исключительно биологическое объяснение.

Также с биологической точки зрения мы не можем объяснить поведение людей, действующих во благо широких социальных групп. Несмотря на очевидный факт, что в животном мире действительно существуют проявления альтруизма и эмпатии, ни одно животное не задумывается о судьбе всего животного мира и не совершает никаких для этого действий.

Очевидно, что в явлении нравственности задействованы не только биологические процессы, и несмотря на то, что нам дали объяснение, откуда она возникла, биологический уровень – это все еще примитивный уровень объяснения. Нравственная область включает в себя гораздо более сложное поведение. Если она и берет нача-

ло в биологии, то совершенно этим не ограничивается, но Черчленд и сама не ограничивается исключительно эволюционными процессами, включая социальные. Единственное, что здесь хочется отметить, – что данные сложности ставят под сомнение весь проект нейрофилософии. Нейробиология действительно делает огромные и важные открытия – чего только стоит изобретение ИИ на основе нейронных процессов, позволяющих обнаруживать раковые клетки, – но все подобные открытия относятся к когнитивным операциям. Посмотрим на определение нравственности у П. Черчленд, которое звучит так: «Нравственность – это набор общепринятых представлений и практик, которые регулируют поведение людей, обеспечивая согласованность действий в группе и ее благополучие» [Черчленд 2021: 237]. В основе этого определения лежит «набор представлений». Черчленд огромный пласт своего объяснения отводит объяснению механизма принятий решений при научении. Это исключительно когнитивная операция, однако на примере нравственного поведения мы наблюдаем, что затрагиваются не только когнитивные процессы. Можно было бы сказать, что в основе формирования ценностей также лежат когнитивные процессы, но мы считаем, что сфера морального не ограничивается когнитивными вычислениями, хотя бы даже потому, что еще ни один ИИ не проявил нравственного поведения, и что это до сих пор является одной из самых сложных задач и глобальных проблем.

В философии нередко встречались примеры, когда человеческую мораль пытались объяснить биологическими примерами того, что у животных также встречается моральное поведение. Например, П. Кропоткин пишет, что муравьи защищают весь свой муравейник и проявляют истинно нравственное поведение. И что человек просто расширяет данную способность на весь свой род, но добавляет: «Истинно образованный человек». Дословно: «И наконец, истинно образованный человек понимает связь, хотя бы и не явную, незаметную на первый взгляд, существующую между ним и последним из дикарей, и он распространяет свои понятия солидарности на весь человеческий род и даже отчасти на животных. Понятие, таким образом, расширяется, но суть его остается та же» [Кропоткин 2018: 10]. На мой взгляд, слишком легко сказать, что понятие просто расширилось. Получается, что одним интеллектуальным усилием человек способен стать более нравственным? Почему-то такого мы не наблюдаем в человеческом роде. В чисто

биологическом объяснении нравственного поведения мы упускаем важную область исключительно человеческого поведения.

Еще одной проблемой при данном подходе является поведение не только высоконравственных людей, но также и безнравственных. Черчленд объясняет это сформированной психопатологией. Определенно, такое поведение является патологическим для общественного функционирования, но для некоторых людей оно считается совершенно нормальным. Не будем приводить нюансы различия нормы и патологии, но отметим, что эту проблему биологический подход объяснить не может.

С какими еще трудностями сталкивается биологический подход в объяснении человеческого поведения? А. Д. Ричи отмечает, что любая наука построена на том, чтобы доходить до начальных оснований, будь то атом, как в физике, или, например, инженер при постройке дома будет обращать внимание на кирпич, цемент и т. п., в общем на определенные статичные единицы. Помимо того, что в живых организмах мы не в состоянии дойти до статичных единиц, потому что организм – это живой процесс, если мы возьмем пример с домом, то мы можем задать такие вопросы, как пригоден ли этот дом для жизни, потому что мы имеем представление о человеческих целях. Но в отношении организма мы не можем ответить на вопрос о цели. Фермер может сказать, что предназначение коровы – давать молоко, потому что это его представление о корове, однако это не отражает действительность. Когда мы рассматриваем любой организм, у нас неизменно встает вопрос о его целях и функциях. И вопрос о цели или предназначении не является математической величиной, как если бы мы рассматривали цель статичных объектов в физике в терминах «эффективность». Фунтовая банкнота стоит 20 шиллингов, это математическое отношение, но понятия «стоимости» нет в физике и математике [Ritchie 1933: 174].

Почему редукция к мозговым процессам не дает всех ответов? Нам предлагают посмотреть на то, что происходит у нас в мозге, когда мы совершаем то или иное действие. Допустим, когда мы чувствуем привязанность к партнеру, у нас возрастает окситоцин. Разве мы можем сказать, что окситоцин стал причиной нашей привязанности? Не идем ли мы в данном случае от следствия к причине, когда причина может быть гораздо более комплексная? Например, я съем шоколад, и у меня повысится серотонин. Если мне введут серотонин, далеко не факт, что я пойду есть шоколад. В выводе Черчленд нет явной корреляции причины и следствия.

Возьмем пример с голодом, приведенный в статье Тома Кандо: «Причина голода – еще не достаточная для приема пищи – ощущается в желудке. Но голод сам по себе, осознание голода – нет. Само осознание идет от мозга, потому что в нем происходит мышление. Желудком мы не думаем, следовательно, просто физического ощущения будет недостаточно для приема пищи. Ощущение голода – это результат. И так со всем опытом. Боль – это ощущение, возникающее в результате повреждения тканей, но это не само по себе повреждение тканей» [Kando 2008: 87].

Подводя итог:

1. Определенные процессы в нашем мозге могут быть лишь корреляцией, а не причиной нашего поведения. У людей наблюдается повышение определенных гормонов при определенных действиях (например, окситоцин повышается после объятий). Побуждать к определенным действиям могут разные факторы, такие как, например, ценности. Они же, в свою очередь, не могут быть зафиксированы в мозге.

2. Внешняя среда влияет на наши процессы в мозге, но то, что мы видим в окружающей среде, для каждого человека может трактоваться по-разному. Например, один человек при виде собаки будет видеть опасность, а другой – милое животное. Такое видение зависит от наших феноменальных ощущений и опыта.

3. Феноменальное ощущение, например, страха не равняется процессам в мозге, подобно приведенному ранее примеру с голодом. Ощущение – это результат процессов. Как мы будем реагировать на этот результат, также может зависеть от наших мировоззренческих установок. Существуют, например, люди, сознательно идущие на боль под влиянием различных теорий (например, хождение по гвоздям).

4. Даже если опыт зафиксирован в мозге, а точнее, определенная информация, мы интерпретируем данную информацию, интерпретация отсылает нас к обработке абстрактных понятий, таких как ценности, добро, зло, у которых нет определенных нейронных коррелятов.

Стоит отметить безусловную значимость проекта нейрофилософии, проливающего свет на работу нашего мозга, к тому же внедряющего эти результаты в новейшие разработки в области лечения раковых заболеваний, ИИ и др. У данного проекта огромный потенциал в междисциплинарной сфере, однако при решении ис-

ключительно философских вопросов, лежащих в абстрактной области (таких как ценности и мораль), не поддающихся вычислениям и экспериментальным методам, предлагающийся проект редукции при ближайшем рассмотрении не способен дать удовлетворительного ответа.

Литература

Кропоткин П. Нравственные начала анархизма. Б. м. : Strelbytskyy Multimedia Publishing, 2018.

Черчленд П. Совесть. Происхождение нравственной интуиции. М. : Альпина нон-фикшн, 2021.

Churchland P. M. Eliminative Materialism and the Propositional Attitudes // Journal of Philosophy. 1981. Vol. 78. Pp. 67–90.

Churchland P. M. Folk Psychology and the Explanation of Human Behavior // Philosophical Perspectives. 1989. Vol. 3. Pp. 225–241.

Churchland P. M. Conscience – The Origins of Moral Intuition. New York : W. W. Norton & Co, 2019.

Graybiel A. M. The Basal Ganglia and Cognitive Pattern Generators // Schizophrenia Bulletin. 1997. No. 3. Pp. 459–469.

Kando T. What is the Mind? Don't Study Brain Cells to Understand It // International Journal on World Peace. 2008. Vol. XXV. Pp. 83–105.

Ritchie A. D. The Biological Approach to Philosophy // Philosophy. 1933. Vol. 8. No. 30. Pp. 167–176.

Wrangham R. Catching Fire: How Cooking Made Us Human. New York : Basic Books, 2000.